

Л. А. Дашкевич

**«ДНЕВНИК ИНОРОДЧЕСКОГО МИССИОНЕРА»: ЖИЗНЬ
ВОСПИТАННИКОВ КАСЛИНСКОГО БАШКИРСКОГО ПРИЮТА
В ЗАПИСКАХ ПРАВОСЛАВНОГО КЛИРИКА**

doi: 10.30759/1728-9718-2022-3(76)-161-169

УДК 94(470.57)“18/19”

ББК 63.3(235.55)53

В статье анализируется воспитательная деятельность Каслинского башкирского приюта, созданного в 1891 г. Екатеринбургским комитетом Православного миссионерского общества. Источником для анализа послужил «Дневник инородческого миссионера», опубликованный в 1911–1913 гг. в епархиальной газете. Автором дневника является протоиерей Александр Степанович Миропольский, получивший образование в миссионерском отделении Казанской духовной академии. На основе дневника священника определена стратегия его образовательной и миссионерской деятельности. Миропольский, как и многие другие миссионеры, был уверен в благотворной силе христианских идей, истинность которых он пытался донести до воспитанников приюта. В полемических беседах с башкирскими детьми он старался опровергнуть сложившееся в мусульманской среде представление о христианстве как о суевории и многобожии и доказать несостоятельность ислама. Результаты полемически-миссионерской работы Миропольского среди воспитанников приюта не были значительными. В дневнике миссионера рассказано лишь об одном случае обращения башкирского подростка в христианство. Выявлено, что православное духовенство Екатеринбургской епархии проводило очень осторожную политику по отношению к мусульманам своего региона. Несмотря на генеральную линию русификации и христианизации нерусских народов и обостренность полемической риторики миссионеров, никаких принудительных действий по обращению башкирских детей в православие не допускалось. Обучавшиеся в Каслинском приюте башкирские дети приобщались к русской культуре, сохраняя идентичность и веру своих отцов.

Ключевые слова: *русско-инородческое образование, аккультурация, миссионерство, ислам, Российская империя конца XIX — начала XX в., Урал*

Миссионерские школы, созданные в России во второй половине XIX, были важной частью системы начального образования для нерусских народов. Значение этих школ оценивается исследователями по-разному: некоторые характеризуют процесс формирования миссионерских школ как элемент русификаторской политики правительства, направленной на христианизацию неправославных народов,¹ другие видят в нем механизм интеграции «иноверцев» в социокультурное пространство империи.²

В настоящей статье, посвященной анализу воспитательной деятельности противомусуль-

манской миссии Екатеринбургской епархии, мы постараемся найти ответы на некоторые вопросы этой дискуссии и осветить на конкретном материале проблемы взаимоотношений русской православной церкви с местным башкирским населением. Источником для подготовки статьи послужил «Дневник инородческого миссионера», опубликованный в 1911–1913 гг. в епархиальной газете.

Екатеринбургская епархия включала территорию Екатеринбургского, Ирбитского, Верхотурского, Камышловского и Шадринского уездов. Численность мусульман в них, судя по отчету епархиального инородческого миссионера за 1913 г., составляла около 100 тыс. человек. Это были местные мусульмане-башкиры, которые проживали преимущественно в Екатеринбургском и Шадринском уездах (около 65 тыс. человек), и приезжавшие на заработки из разных губерний татары (свыше 30 тыс. человек). Миссионер сообщал, что в 1913 г. на Уральских железодобывающих заводах работали выходцы из Уфимской, Оренбургской, Вятской, Казанской, Самарской, Саратовской, Симбирской, Омской, Томской, Тобольской, Астраханской губерний и Туркестанского края.

¹ См.: Гафаров А. А., Гафаров А. Н. Колониальная аккультурация традиционного уклада мусульман Российской империи // Вестник Казанского технологического университета. 2012. Т. 15, № 17. С. 296–302; Дзалаева К. Р. Русификация Северного Кавказа в контексте интеграционной политики Российской империи во второй половине XIX — начале XX в. // Известия СОИГСИ. 2019. № 33 (72). С. 38–50.

² См.: Любичанковский С. В. Политика аккультурации средстами просвещения исламских подданных Российской империи: исторический опыт Оренбургского края (середина XIX — начало XX вв.). Оренбург, 2018; Джераси Р. Окно на Восток: империя, ориентализм, нация и религия в России. М., 2013.

«Хотя количество мусульман на заводах не бывает ежегодно одинаковым, однако же число их можно распределить по заводам так: в Каслинском заводе — 150, в Кыштымском — 250, в Соймановском и Карабашском — 2 500, в Уфалейском — 250, в Северском — 100, в Полдневском — 100, в г. Екатеринбурге — 500, в Пышминском медном заводе — 2 500, в Кушве — 300, в Нижнем Тагиле — 1 500, в Нижне-Турьинском — 3 000, на платиновых приисках — 2 000, на Богословской шахте — 3 000, в Надеждинском заводе — 4 000, на Флоровских рудниках — 2 000, на Ауэрбахских — 2 500, Воронцевских — 1 500, Богословский завод — 250, в городе Верхотурье — 300, на асбестовых приисках — 2 000, в Алапаевском заводе — 500, в городе Камышлове — 250, в городе Ирбите — 500, в городе Шадринске — 500, в других заводах и местах, в виде торговцев-татар — более 1 000».³

Автором «Дневника инородческого миссионера» является протоиерей Александр Степанович Миропольский. Личность этого человека не раз привлекала внимание уральских историков. В работах А. В. Печерина и И. И. Корсуновой отмечены глубокие познания и твердость в вере Александра Миропольского. По мнению историков, священник сочетал в своей деятельности миссионерские наставления с искренней любовью, что вызывало уважение мусульман.⁴ Энциклопедический словарь «Ислам на Урале», напротив, характеризует Александра Миропольского как жесткого антиисламского религиозного деятеля.⁵ Неоднозначность характеристик вызвана, очевидно, активной жизненной позицией отца-миссионера, являвшегося, несомненно, талантливым оратором и полемистом.

Биография А. С. Миропольского типична для православных клириков, достигших определенных высот в сфере своей деятельности.

³ Миропольский А. С. Деятельность епархиальной противомусульманской миссии за 1913 год // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1914. № 6. Отдел неоф. С. 105.

⁴ См.: Печерин А. В., Корсунова И. И. Литературное наследие уральского миссионера: памяти священномученика Александра Миропольского // Литература Урала: история и современность. Екатеринбург, 2013. Вып. 7. Т. 2. С. 227. Подобные характеристики встречаются также в изданиях Уральского церковно-исторического общества: «Миссионеру нельзя молчать об истине»: Жизнь и литературное наследие священномученика Александра Миропольского. Екатеринбург, 2018. С. 5; Литературное наследие священномученика Александра Миропольского (1843–1918). Екатеринбург, 2018. Кн. 1. С. 5.

⁵ См.: Ислам на Урале: энцикл. слов. М., 2009. С. 209; Старостин А. Н. Мусульманское общество Среднего Урала в конце XIX — начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2010. С. 72.

Миропольский родился в 1843 г. в семье сельского дьякона в селе Белая гора Чистопольского уезда Казанской губернии. По окончании Казанской духовной семинарии он довольно долго, около 29 лет, служил священником в «инородческом» приходе села Апазова Казанской губернии, выполняя одновременно и функции миссионера. Годы службы Миропольского в Казанской губернии совпали с периодом острого кризиса православия в Поволжье, сопровождавшегося массовым отступничеством крещеных татар (крящен) от православной веры. Исследователи отмечают, что этот процесс интенсифицировался во время Крымской войны и после проведения крестьянских реформ 1860–1870-х гг.⁶ В статье «Во сне и наяву» священник Миропольский так характеризует настроения своих прихожан: «В село Апазово я попал по следующему обстоятельству. В 1865–1871 гг. началось сильное стремление крещеных инородцев к отпадению в мусульманство, а потому угрожала опасность и крещеным татарам села Апазова, окруженного мухаммеданскими селениями».⁷ В 1881 г. более 200 жителей Апазова ушли в мусульманство, правда, благодаря усилиям священника, через два года они вновь обратились в православие. Можно согласиться с мнением американского ученого Р. Джерами о том, что ислам в Поволжье оказался «не только способен конкурировать с православием, но и проявил стремление к восстановлению положения, существовавшего ранее среди тюркских общин, которые некогда считали себя мусульманскими».⁸

Эти опасные для империи процессы, а также опыт мусульманских восстаний и беспорядков во французских и британских колониальных владениях побудили царских чиновников поддерживать миссионерскую деятельность русского православного духовенства, видевшего в исламе силу, враждебную государственным интересам.⁹ В 1854/1855 учебном году в Казанской духовной академии было учреждено противомусульманское миссионерское отделение, в котором стали преподавать видные ученые-востоковеды (Н. И. Ильминский, Г. С. Саблуков, впоследствии Е. А. Малов, М. А. Машанов и др.).

⁶ См.: Джераси Р. Указ. соч. С. 49; Тихонов А. К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII — начале XX в. СПб., 2008. С. 180.

⁷ Миропольский А. С. Во сне и наяву // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1912. № 37. Отдел неоф. С. 885.

⁸ Джераси Р. Указ. соч. С. 49.

⁹ См.: Круз Р. За пророка и царя. Ислам и империя в России и Центральной Азии. М., 2020. С. 220.

Для развития у студентов разговорной практики сюда приглашались и представители коренного татарского населения. В 1862 г. Ильминский уговорил руководство академии нанять на работу татарина-кряшчен В. Т. Тимофеева. С согласия Ильминского Тимофеев стал, наряду с преподаванием в академии, обучать на родном языке группу татарских мальчиков чтению и Закону Божию. Эти уроки дали начало Казанской крещено-татарской школе — учреждению, которое заложило основу целой системы преподавания в среде «инородцев». Школа, созданная Ильминским и Тимофеевым, предлагала кряшчам базовое начальное образование с сильным православным компонентом. По мнению Ильминского, обучение на родном языке могло сделать христианское вероучение и связанные с ним ценности более понятными и привлекательными для ребят и в дальнейшем уберечь их от влияния других религий. В 1870 г. школьный проект Ильминского был поддержан Министерством народного просвещения. На основе «Правил о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» русско-инородческие школы стали создаваться для татар, башкир, чувашей, черемисов, вотяков и других народов российского Востока, что потребовало массового издания учебных материалов. Ответственность за их подготовку и публикацию взяло на себя Братство святого Гурия, созданное в Казанской губернии в 1867 г. В 1875 г. под эгидой Братства была основана Переводческая комиссия для публикации и распространения религиозных материалов на местных языках.¹⁰

Надо заметить, что у консервативной части православного духовенства такое активное внимание к распространению нерусских языков и преподаванию в Казанской духовной академии основ исламского богословия вызывало раздражение. Не все принимали и вводимые Н. И. Ильминским правила образования нерусских народов. В статье «Во сне и наяву» священник А. С. Миропольский вспоминает, что он, несмотря на противодействие Братства святого Гурия, стал употреблять при обучении «инородцев» своего прихода русский букварь «вместо пособия, изобретенного г. Ильминским, но применять с переводом каждого русского слова на татарский язык».¹¹ Разразился

скандал. Члены Братства направили в Святейший Синод рапорт, в котором обвинили отца Александра в разрушении системы Ильминского. Для проверки дела в Казань отправился представитель синодального училищного совета, который, вопреки ожиданиям ученых-миссионеров, одобрил работу Миропольского. «Злоба против меня со стороны Ильминского, Машанова, Тимофеева и других довела до того, что они открыто стали выражать желание, чтобы инородцы моего прихода отпали в мусульманство, ибо они видели во мне наглядный противовес всей системе Ильминского», — пишет священник.¹² «Невообразимый шум» поднялся в совете Братства и после доклада отца Александра епископу о содержании программы миссионерских курсов при Духовной академии. По мнению Миропольского, эти курсы давали слишком подробные знания о мусульманском вероучении, но не сопоставляли его с христианством и не обучали методам противомусульманской полемики, что приносило больше вреда, чем пользы, а многие крещеные татары — учащиеся курсов после их окончания вновь обращались к мусульманству. Миропольский сообщает, что после этой жалобы «было показано несколько кулаков, однако же, выработали новую, лучшую программу и дело пошло лучше».¹³ В 1906 г. в преклонном уже возрасте А. С. Миропольский поступил вольнослушателем на миссионерское отделение Казанской духовной академии, четыре года пребывания в которой, по словам священника, вновь принесли ему «тяжелые испытания» — он не смог сдать экзамен на звание кандидата богословия.¹⁴

Безграничное профессиональное рвение священника создавало для него, как он говорил, «неблагоприятную сферу». Она окружала отца Александра вплоть до его переезда в Екатеринбург в 1910 г. К этому времени А. С. Миропольский имел уже достаточно большой опыт миссионерской и пастырской деятельности. В 1899 г. он был возведен в сан протоиерея, в 1900 г. переведен в город Мамадыш на должность благочинного церковного округа. За успехи в миссионерской работе отца Александра наградили орденом святой Анны III степени. Миропольский оставил Казанскую епархию в 1910 г. 67-летний священник

¹⁰ См.: Верг П. Православие, инославие, иноверие: очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М., 2012. С. 100.

¹¹ Миропольский А. С. Во сне и наяву... С. 915.

¹² Там же. С. 884.

¹³ Там же. С. 913.

¹⁴ См.: Жития святых Екатеринбургской епархии. Екатеринбург, 2008. С. 109.

был приглашен на должность Екатеринбургского епархиального противомусульманского миссионера с назначением весьма солидного вознаграждения — 2 тыс. рублей в год.¹⁵ Отца миссионера приписали к Успенской церкви Каслинского завода. Ознакомившись с обстановкой в епархии, Миропольский, в отличие от противораскольничьих миссионеров, предпочел отказаться от многолюдных религиозных диспутов с мусульманами. В отчете за 1913 г. он писал: «Каждому из нас понятно, что публичных бесед с мусульманами по вопросам “веры” устраивать нельзя по причине фанатичности мусульман. А потому приходится пользоваться единственным средством проповеди среди них — это напечатанием брошюр и листов татарскую письменностью и распространением их среди татар в возможно большем количестве».¹⁶ Сочинения Миропольского рассылались почтой «в более или менее важные в миссионерском отношении пункты», а также распространялись во время его поездок по различным селениям и заводам Урала. О каждой такой поездке и личных разговорах с мусульманами по вопросам веры А. С. Миропольский докладывал епархиальному епископу. Наиболее важные беседы фиксировались в дневнике. С содержанием дневника могли познакомиться епископ и члены Екатеринбургского комитета Православного миссионерского общества. После того как на одном из заседаний комитета Миропольский зачитал свои дневниковые записи с 1 января по 24 февраля 1911 г., решено было опубликовать их в епархиальной газете «в видах ознакомления духовенства с сущностью учения мусульман и способами борьбы с ним».¹⁷ «Дневник инородческого миссионера» был довольно объемным документом, его публикация заняла 227 страниц в нескольких номерах «Екатеринбургских епархиальных ведомостей» в 1911–1912 гг. и 303 страницы в 1913 г.

Записки священника свидетельствуют, что основное время в своей миссионерской деятельности он отдавал работе с воспитанниками Каслинского башкирского приюта. Это благотворительно-просветительное заведение было

открыто в заводском поселке 12 сентября 1891 г. Цель открытия приюта была ясно обозначена в отчете миссионерского общества — «предрасположение к христианству местных башкир чрез усвоение их детям посредством школьного обучения, проникнутого строго церковным духом и направлением христианского мировоззрения».¹⁸ Воспитанники башкирского приюта жили в небольшом флигеле при Успенской церкви и снабжались за счет миссионерского общества питанием, одеждой, обувью и учебными пособиями. Обучались они в Каслинской церковно-приходской школе вместе с русскими учениками и наравне с ними, хотя, как отмечалось в отчете за 1891 г., для «башкирят» делались и некоторые «послабления»: они могли молиться по-своему, носить тюбетейки и не делать поклоны во время школьной утренней молитвы. Детей учили русскому языку, чтению, письму, первым правилам арифметики и Закону Божию. Последний предмет, впрочем, башкирские воспитанники могли только слушать — без заучивания наизусть христианских молитв. В отличие от земских «инородческих» школ, в Каслинском миссионерском приюте башкирским детям собственного вероучителя не полагалось. Это было одной из причин слабого доверия башкирских семей к этому заведению и небольшого набора туда призреваемых.

Неурядицы приюта объяснялись не только внешними причинами. Протоиерей Миропольский, приехавший в Касли в 1910 г., увидел их главную причину в недостатках управления миссионерским заведением. Башкирский приют финансировался Екатеринбургским комитетом Православного миссионерского общества, но подчинялся не его представителям, а епархиальному управлению. Заведующим приютом был священник Каслинской Успенской церкви отец Беляев, под его руководством находились и сам приют, и церковно-приходская школа, где учились башкирские мальчики. В дневнике Миропольского от 4 февраля 1911 г. имеется следующая запись: «В 8 часов утра возвратился из Екатеринбурга, а в 3 часа ходил в приют. Оказалось, что учитель церковно-приходской школы Кушков прогнал Галиуллу (19 лет) будто за то, что он грубо обращался с младшими питомцами. Я не понимаю,

¹⁵ См.: Определения Святейшего Правительствующего Синода // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1911. № 46. Отдел офиц. С. 463.

¹⁶ Миропольский А. С. Деятельность епархиальной противомусульманской миссии за 1913 год // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1914. № 6. Отдел неоф. С. 106.

¹⁷ Из епархиальной жизни // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1911. № 7. Отдел неоф. С. 418.

¹⁸ Отчет о деятельности Екатеринбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества за 1893 год // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1894. № 12. Отдел офиц. С. 281.

что за дело Кушкову до питомцев приюта? Выходит, что у нас “кто палку взял, тот и капрал”. Уж очень много здесь начальников и распорядителей». ¹⁹ В записи от 3 апреля 1911 г. Миропольский сообщает о махинациях с финансами при закупке продовольствия для детей: «В три часа был в приюте и встретил там питомцев, пьющих чай. Я спросил, почему они не обедают, когда время теперь обеденное. Габидулла и Халилулла ответили, что есть нечего, кроме плохого картофеля и хлеба. Кухарка подтвердила то же... Меня это покорило: получать 90 руб. в месяц и троих питомцев кормить картошкой, тогда как в прежние месяцы на эту сумму прилично содержались 20 человек». ²⁰ О плохой организации питания воспитанников миссионер сообщал еще несколько раз. 1–3 мая: «Особых собеседований не было. В это время были лишь пререкания у Симашова [надзиратель приюта] с о. Беляевым из-за плохого питания всех их только плохую картошкой, да из-за большой старухи-кухарки». ²¹ 4 мая: «В 10 часов ночи прибежал ко мне Халилулла с жалобой, что новая кухарка пьяна и слишком неопрятна, так что они не могут есть пищи, приготовленной ею. Но что я буду делать, когда мой голос в хозяйстве приюта не принимается, а замечания мои вызывают только оскорбления». ²² 5 мая: «Питомцы волнуются от невнимания к просьбе их о перемене кухарки. Они перестали есть кушанья ее приготовления, высказывали мысли убежать домой». ²³ 6 мая: «Был в приюте; ребята веселы по случаю перемены кухарки. Вообще хорошо, чисто по-семейно-христианскому бывает жизнь приюта, когда не подливают яду свои же сослуживцы ненавистию своею и жадностью». ²⁴

Епархиальный инородческий миссионер добился передачи приюта под полный контроль Екатеринбургского комитета Православного миссионерского общества. В отчете Комитета за 1915 г. сообщалось следующее: «Резиденцией миссионера по-прежнему служил находящийся на грани башкирских владений Каслин-

ский завод. Здесь, в этом заводе, содержится в пожертвованном Комитету здании приют для башкирских детей. Протоиерей Миропольский состоит заведующим этого приюта. В приюте в отчетном году помещалось в разное время неодинаковое число питомцев: зимою оно доходило до 20 человек, а летом уменьшалось до 4-х. Принимались в приют до отчетного года дети в возрасте от 10 до 16 лет, но в отчетном году были юноши и старше 16 лет, что допущено по ходатайству отца Миропольского». ²⁵ На отца Александра был возложен контроль над хозяйственной частью детского заведения и набор персонала: надзирателя, сторожа и кухарки.

Особое внимание миссионер уделял работе надзирателя, который постоянно находился в приюте и мог повлиять на воспитание детей. В 1911 г. Миропольский принял на эту должность Степана Степановича Казанцева. Этого человека священник считал своим помощником в миссионерских беседах с воспитанниками приюта. Казанцев был сыном православного крестьянина, переселившегося в уездный город Камышлов. Крестьянский мальчик получил образование в Камышловском приходском училище, некоторое время поработал в столярной мастерской, а затем в поисках заработка отправился вглубь России. В Иркутске Казанцев познакомился с татарами-мусульманами, тесное общение с которыми побудило его принять ислам. Через 9 лет странствий Степан Казанцев (в мусульманстве Алий Муртаза Муртазин Адутов) вернулся на родину. В принятом решении перейти в мусульманство он раскаялся и желал вновь вернуться в православную веру. К инородческому миссионеру Миропольскому Казанцев обратился за помощью. Отец Александр принял его, поселил в Каслинском приюте, похотайствовал о возвращении «вероотступника» в православие и после того, как освободилась должность приютского надзирателя, устроил на работу. В дневнике священник пишет: «Казанцев, как опытно познавший безрассудство Мухаммедова учения, может принести пользу миссии, хотя спасением увлекающихся им». ²⁶

¹⁹ Миропольский А. С. Краткое изложение миссионерских бесед с воспитанниками Каслинского приюта, с их родителями и другими инородцами при случайных встречах с ними // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1912. № 5. Отдел неоф. Особое приложение. С. 71.

²⁰ Миропольский А. С. Там же. 1912. № 12. Отдел неоф. Особое приложение. С. 149.

²¹ Там же.

²² Миропольский А. С. Там же. 1912. № 13. Отдел неоф. Особое приложение. С. 162.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 163.

²⁵ Отчет Екатеринбургского комитета Православного миссионерского общества за 1915 год // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1917. № 17. Отдел офиц. С. 102.

²⁶ Миропольский А. С. Краткое изложение миссионерских бесед с воспитанниками Каслинского приюта, с их родителями и другими инородцами при случайных встречах с ними // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1912. № 10. Отдел неоф. Особое приложение. С. 121.

Миропольский уговорил Казанцева написать подробную записку о его жизни среди мусульман и осветить там все, как он говорил, «гадости» этой жизни. «Воспоминания раскаявшегося отступника от православия в мусульманство», написанные Казанцевым с помощью Миропольского, были выпущены в 1911 г. отдельной книжкой и появились в газетном варианте. Отец Александр очень гордился своим содействием раскаявшемуся христианину и старался распространить его книжку среди мусульман, однако поведение самого С. С. Казанцева очень скоро его разочаровало. В «Дневнике инородческого миссионера» за 1912 г. приведена следующая история: «Известный по своему продолжительному состоянию в мусульманстве (9 лет) и внешне возвратившийся в православие Казанцев, обласканный мною и благодетельствованный, как бы взбесился и огорчил меня и Комитет без всякой какой бы то ни было причины. Он задумал требовать от Комитета за написанные им покаянные “Воспоминания” 1 000 рублей, угрожая за неуплату жалобой в Синод и адвокатом».²⁷ В приюте надзиратель просил прибавки себе жалования и даже, напившись пьяным, говорил воспитанникам, что «он и сейчас мусульманин и крест не носит».²⁸

Миропольский уволил «потерявшего самообладание» Казанцева из приюта и принял на его место надзирательницу Царевскую, владеющую татарским языком. Женщина-надзирательница, по мнению миссионера, гораздо лучше справлялась с возложенными на нее обязанностями. В приюте, по словам отца Александра, стало опрятно, «башкирята одеты чистенько, держат себя скромно».²⁹ Царевская читала воспитанникам приюта Священную историю на татарском языке и учила их петь. В пении отец Миропольский видел важное средство «христианского просвещения» башкирских детей. Очень полезным он считал также объяснение им Священной истории с помощью картин. Изображения библейских сюжетов висели на стенах приюта и вызывали постоянные вопросы башкирских детей, которые дома никаких картин не видели, так как в мусульманских семьях они были запрещены. В целом стратегия миссионерской дея-

тельности православного клирика была достаточно традиционной. В полемических беседах с воспитанниками приюта он старался опровергнуть сложившееся в мусульманской среде представление о христианстве как о суеверии и многобожии и доказать несостоятельность ислама. На уровне, понятном простому народу, Миропольский отвечал на самые распространенные среди мусульман вопросы: почему христиане носят крестик на шее? Почему иконы не являются идолами? Что такое Троица и не является ли приверженность христиан этому догмату «многобожием»? Риторика православного клирика, направленная против ислама, часто носила обостренно-полемический характер и вырождалась в грубые декламации. В дневнике мы встречаем такие характеристики почитаемого в мусульманстве пророка Мухаммеда: «Мухаммед — грешный араб, в пророка сам себя поставивший», «Мухаммед — грешный и злодей-араб, грабивший и убивавший людей», «Мухаммед — язычник самой грешной, развращенной жизни». Веру в аллаха отец Александр называл язычеством, потому что «аллаха нельзя назвать богом». Коран он считал источником ложных и вредоносных учений. В противомусульманской полемике миссионер находил в священной для мусульман книге отрывки, отходящие от общепринятых представлений о морали и нравственности (например, о многоженстве, о возможности убивать представителей другой веры — «неверных», «кафиров» и пр.).

У некоторых «башкирят» харизматичная фигура отца-миссионера («бабая», как они его называли) вызывала симпатии. Воспитанников приюта, имевших потенциал к обращению в христианство, отец Александр приглашал к себе домой и продолжал за чаем обсуждение религиозных вопросов. В 1912 г. миссионер привлек некоторых воспитанников (очевидно, за небольшое вознаграждение) к переводу своих религиозно-нравственных сочинений и краткого катехизиса. В дневнике от 11 марта 1912 г. записано: «У меня были Шарафитдин, Юсуп, Габидулла и Гафар. Мы проверяли переписку краткого катехизиса. Какой отличный способ проповедания Слова Божия посредством такой переписки! Один не торопясь читает, другой повторяет и объясняет, остальные все внимательно слушают и даже просят выяснения некоторых мест. Господи! Укрепи в сердцах их слышанное ими слово

²⁷ Он же. Дневник инородческого миссионера // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1913. № 36. Отдел неоф. Особое приложение. С. 203.

²⁸ Там же. С. 204.

²⁹ Там же. С. 205.

Твое о спасении Тобою человечества, ороси сеяние сие своею благодатию и возрасти в древо жизни!»³⁰

Полемически-миссионерская работа Миропольского среди воспитанников приюта, впрочем, не была особо результативной. В дневнике миссионера рассказано лишь об одном случае обращения башкирского подростка в христианство. В 1911 г. два воспитанника приюта, Халилулла и Хайрулла, обратились к Миропольскому с просьбой направить их в Далматовское второклассное училище для продолжения образования. Один из них, Халилулла, согласен был принять христианство. Крестили его, по просьбе Миропольского, уже в Далматово. «Здесь окрестить опасался, — пишет священник, — чтобы не устрашились другие башкирята и не перестали являться в приют».³¹ Хайрулла же от крещения отказался, за что ему было запрещено дальнейшее обучение.

В 1912 г. с просьбой устроить их в Далматовское училище к Миропольскому обратились еще 6 человек. Синод, однако, в этой просьбе отказал. Отец Миропольский был очень огорчен этим решением. Он писал в дневнике: «А я сам не нахожу к тому достаточно основательных причин, это равносильно задержанию успехов миссии. Прежде, чем сеять пшеницу, обыкновенно удобряют и возделывают почву. Немало капитала и труда употребляется на это. А после того уже засевают зерно на подготовленной почве. То же самое, еще с большим трудом и затратой капитала требуется и здесь. Неужели непонятно, что, хотя юноши-мусульмане и не поступят учителями в христианские школы, но будут в школах мусульманских, неужели они не будут полезны для общего дела просвещения мусульман, усвоивши себе христианское мировоззрение и воспитание в христианских школах?»³²

Миропольский, как и многие другие миссионеры, был уверен в благотворной силе христианских идей, истинность которых он пытался донести до воспитанников приюта. Башкирские подростки, по его мнению, после обучения

в приюте становились более открытыми для контактов с русскими, легче воспринимали достижения других культур. В отчете за 1915 г. он с удовольствием отмечал: «Прожив несколько времени в приюте, башкиренок начинает на все русское смотреть совсем другими глазами: тибетейку свою он уже не считает необходимой принадлежностью костюма, не боится и храма Божия, ходит туда с интересом, ко всему прислушивается и присматривается».³³

Расширению кругозора воспитанников башкирского приюта, по мнению Миропольского, способствовало и их проживание в большом заводском поселке, и совместное обучение с русскими детьми. Башкирские ребята с интересом участвовали в подготовке к рождественской елке. В записи от 30 декабря 1910 г. Миропольский сообщает: «Сегодня начинаем готовиться к “елке” для башкирятов, которые усиленно просят меня о том. Теперь мы составляем краткую программу, распределяя между ними чтение рассказов в прозе и стихах. Предполагается исполнить следующее: 1) я с Гавриилом Симашевым [надзиратель приюта] пропою “Коль славен наш господь” по-русски и по-татарски; 2) Пропоем 1, 2 и 5 ирмосы на Рождество Христово, т. е. Христос рождается, Прежде век от Отца рожденному и Бог сын мира, Отец щедрот; 3) Гавриил прочитает “Слава в вышних Богу” по-татарски, псалом “Благословлю Господа”; пропоем “Хвалите имя господне” по-татарски; 4) башкирята прочитают басни и стихи по-русски; 5) я прочту “Сподоби Господи в вечер сей”; по-татарски поем “Видехом свет истинный”, по-татарски “И тебе поем”, расскажу о Рождестве Христовом; 6) Башкиренок Галимулла пропоет свою татарскую песню, предварительно мною просмотренную. Все предполагаемое к пению и чтению в присутствии всех питомцев в виде репетиции мы с Гавриилом тут же исполнили; а питомцы выслушали очень внимательно».³⁴ Покинув родную деревню, башкирские дети оставались «в собственной вере», но стремились к новым знаниям и впечатлениям: посещали пасхальное богослужение в Успенской церкви и наблюдали иллюминацию, читали

³⁰ Миропольский А. С. Дневник инородческого миссионера // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1913. № 26. Отдел неоф. Особое приложение. С. 34.

³¹ Он же. Краткое изложение миссионерских бесед с воспитанниками Каслинского приюта, с их родителями и другими инородцами при случайных встречах с ними // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1912. № 14. Отдел неоф. Особое приложение. С. 192.

³² Он же. Дневник инородческого миссионера // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1913. № 34. Отдел неоф. Особое приложение. С. 165.

³³ Отчет Екатеринбургского комитета Православного миссионерского общества за 1915 год // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1917. № 17. Отдел офиц. С. 103.

³⁴ Миропольский А. С. Краткое изложение миссионерских бесед с воспитанниками Каслинского приюта, с их родителями и другими инородцами при случайных встречах с ними // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1911. № 51. Отдел неоф. Особое приложение. С. 38.

светские книги (иногда их приносили русские товарищи), несколько раз сфотографировались вместе с батюшкой. Большое впечатление на ребят оказало посещение кинематографических сеансов. В беседе со священником они с восторгом описывали «живые картины», глядя на которые «совсем можно обмануться, думая, что там живые люди ходят».³⁵

Подводя итоги, можно отметить, что православное духовенство Екатеринбургской епархии проводило очень осторожную политику в отношении мусульман своего региона. Несмотря на генеральную линию русификации и христианизации нерусских народов и обостренность полемической риторики миссионеров, никаких принудительных действий

по обращению башкирских детей в православие не допускалось. Обучавшиеся в Каслинском приюте башкирские дети приобщались к русской культуре, сохраняя идентичность и веру своих отцов. Можно согласиться с выводом М. Ю. Нечаевой о том, что культурное влияние деятельности местных комитетов Православного миссионерского общества на коренные народы Урала было благотворно. «Религиозно-просветительские мероприятия, внимательное отношение к школьному делу, аккуратные способы воспитания в школах и приютах для детей коренного населения способствовали сближению и взаимопониманию русского и коренного населения в регионе».³⁶

Liudmila A. Dashkevich

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: ldash54@mail.ru

“DIARY OF AN INORODTSY MISSIONARY”: LIFE OF THE KASLI BASHKIR ORPHANAGE INMATES IN THE NOTES OF AN ORTHODOX CLERGYMAN

The article analyzes educational activities of the Kasli Bashkir Orphanage, established in 1891 by the Ekaterinburg Committee of the Orthodox Missionary Society. The source for the analysis was the “Diary of an inorodtsy missionary”, published in 1911–1913 in the diocesan newspaper. The diary’s author is Archpriest Alexander Stepanovich Miropolsky, who was educated at the missionary department of the Kazan Theological Academy. On the basis of the priest’s diary, the strategy of his educational and missionary activity is determined. Miropolsky, like many other missionaries, was confident in the beneficial power of Christian ideas, the truth of which he tried to convey to the Orphanage inmates. In polemical conversations with Bashkir children, he tried to refute the notion that had developed in the Muslim environment about Christianity as superstition and polytheism and to prove the inconsistency of Islam. The results of Miropolsky’s polemical missionary work among the pupils were minor. His diary tells of only one case of the conversion of a Bashkir teenager to Christianity. It is revealed that the Orthodox clergy of the Ekaterinburg diocese pursued a very cautious policy towards the Muslims of the region. Despite the general line of Russification and Christianization of non-Russian peoples and the sharpness of polemical rhetoric, no coercive actions were allowed to convert Bashkir children to Orthodoxy. The Kasli Bashkir Orphanage can be attributed to the acculturation model of an educational institution. Its inmates were introduced to Russian culture, preserving the identity and faith of their fathers.

Keywords: *Russian-inorodtsy education, acculturation, missionary work, Islam, Russian Empire of the late 19th – early 20th century, Urals*

REFERENCES

- Crews R. *Za proroka i tsarya. Islam i imperiya v Rossii i Tsentral'noy Azii* [For Prophet and Tsar. Islam and Empire in Russia and Central Asia]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2020. (in Russ.).
- Dzalaeva K. R. [Russification of the North Caucasus in the context of the integrative policy of the Russian Empire in the second half of the XIX – early XXth century]. *Izvestiya SOIGSI* [Izvestia SOIGSI], 2019, no. 33 (72), pp. 38–50. DOI: 10.23671/VNC.2019.72.35257 (in Russ.).

³⁵ Он же. Там же. 1912. № 8. Отдел неоф. Особое приложение. С. 94.

³⁶ Нечаева М. Ю. Единение во имя Христа: Православные общественные организации Среднего Урала середины XIX – начала XX веков. Екатеринбург, 2008. С. 39.

Gafarov A. A., Gafarov A. N. [Colonial acculturation of the traditional way of life of the Russian Empire's Muslims]. *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta* [Bulletin of the Kazan Technological University], 2012, vol. 15, no. 17, pp. 296–302. (in Russ.).

Geraci R. *Okno na Vostok: Imperiya, oriyentalizm, natsiya i religiya v Rossii* [Window on the East: national and imperial identities in late tsarist Russia]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2013. (in Russ.).

Islam na Urale: Entsiklopedicheskiy slovar' [Islam in the Urals: Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Medina Publ., 2009. (in Russ.).

Literaturnoye naslediyе svyashchennomuchenika Aleksandra Miropol'skogo (1843–1918) [Literary heritage of the holy martyr Alexander Miropolsky (1843–1918)]. Ekaterinburg: Ural'skoye tserkovno-istoricheskoye obshchestvo Publ., 2018, book 1. (in Russ.).

Lyubichankovsky S. V. *Politika akkul'turatsii sredstvami prosveshcheniya islamskikh poddannykh Rossiyskoy imperii: Istoricheskiy opyt Orenburgskogo kraya (seredina XIX — nachalo XX vv.)* [The policy of acculturation by means of education of the Islamic subjects of the Russian Empire: The historical experience of the Orenburg region (mid-19th — early 20th centuries)]. Orenburg: Izdatel'skiy tsentr OGAU Publ., 2018. (in Russ.).

“*Missioneru nel'zya molchat' ob istine*”: *Zhizn' i literaturnoye naslediyе svyashchennomuchenika Aleksandra Miropol'skogo* [“A missionary cannot be silent about the truth”: The life and literary heritage of the holy martyr Alexander Miropolsky]. Ekaterinburg: Ural'skoye tserkovno-istoricheskoye obshchestvo Publ., 2018. (in Russ.).

Nechaeva M. Yu. *Edineniye vo imya Khrista: Pravoslavnyye obshchestvennyye organizatsii Srednego Urala serediny XIX — nachala XX vekov* [Unity in the name of Christ: Orthodox public organizations of the Middle Urals in the middle of the 19th — early 20th centuries]. Ekaterinburg: Izd-vo Ekaterinburgskoy yeparkhii Publ., 2008. (in Russ.).

Pecherin A. V., Korsunova I. I. [Literary heritage of the Ural missionary: in memory of the holy martyr Alexander Miropolsky]. *Literatura Urala: istoriya i sovremennost': sb. statey* [Literature of the Urals: history and modernity: a collection of articles]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo un-ta Publ., 2013, iss. 7, vol. 2, pp. 227–234. (in Russ.).

Starostin A. N. *Musul'manskoye obshchestvo Srednego Urala v kontse XIX — nachale XX vv.: kand. diss.* [Muslim society of the Middle Urals in the late 19th — early 20th centuries: Diss. Cand.]. Ekaterinburg, 2010. (in Russ.).

Tikhonov A. K. *Katoliki, musul'mane i iudei Rossiyskoy imperii v posledney chetverti XVIII — nachale XX v.* [Catholics, Muslims and Jews of the Russian Empire in the last quarter of the 18th — early 20th century]. Saint Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta Publ., 2008. (in Russ.).

Werth P. *Pravoslaviye, inoslaviye, inoveriye: Ocherki po istorii religioznogo raznoobraziya Rossiyskoy imperii* [Orthodoxy, inoslavie, inoverie: Essays on the history of the religious diversity of the Russian Empire]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2012. (in Russ.).

Zhitiya svyatykh Ekaterinburgskoy yeparkhii [Lives of the Saints of the Ekaterinburg Diocese]. Ekaterinburg: Informatsionno-izdatel'skiy otdel Ekaterinburgskoy yeparkhii Publ., 2008. (in Russ.).

Для цитирования: Дашкевич Л. А. «Дневник инородческого миссионера»: жизнь воспитанников Каслинского башкирского приюта в записках православного клирика. // Уральский исторический вестник. 2022. № 3 (76). С. 161–169. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-3(76)-161-169.

For citation: Dashkevich L. A. “Diary of an inorodtsy missionary”: life of the Kasli Bashkir orphanage inmates in the notes of an orthodox clergyman // Ural Historical Journal, 2022, no. 3 (76), pp. 161–169. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-3(76)-161-169.